

Česnokov, Ivan Ivanovič

"Иностранец" в этноязыковой оценке

Opera Slavica. 2005, vol. 15, iss. 2, pp. 32-35

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117739>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

*** MATERIÁLY – ZPRÁVY ***

«ИНОСТРАНЕЦ» В ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ОЦЕНКЕ

И. И. Чесноков

Глобализационные процессы, проявляющие себя в размывании государственных границ финансовыми, информационными и миграционными потоками, отнюдь не приводят к легкому преодолению границ языковых и этнокультурных.

Именно язык и культура в их взаимосвязи и взаимообусловленности делают этнос этносом, обеспечивая его психологическое единство и отделяя от других этнокультурных сообществ.

Неслучайно взаимодействие языка и культуры составило предмет изучения комплексной филологической дисциплины – лингвокультурологии.

Актуальность лингвокультурологических исследований в современном динамичном мире обусловлена не только желанием обогатить родную культуру специфическим опытом других культур, но и потребностью осмыслить причины межкультурных столкновений и конфликтов, число которых увеличивается вместе с ростом миграционных процессов.

Одной из важнейших задач лингвокультурологии является выявление стереотипов в системе ценностных ориентиров, составляющих «некий остров этнокультурного сознания, который формирует этнокультурную сущность личности, преемственность определенного типа поведения и деятельности» [1, 76].

Ценностно-смысловая модель поведения, как предметно-практического, так и вербального включает в себя модусные отношения человека к окружающему его миру, в том числе и отношение человека к человеку.

Одним из существенных ценностно-поведенческих параметров этнокультуры является отношение ее носителей к иностранцу. Такого рода отношение складывается в процессе общественно-исторической практики и находит языковое выражение.

Официальная позиция этноса в лице государства по отношению к иностранцу представлена в институциональном дискурсе. Определяя иностранца как политиммигранта, беженца или переселенца, институциональный дискурс предписывает ему и соответствующий юридический статус в обществе.

Неинституциональный дискурс (этнопейоративная лексика, фразеологизмы, художественный, профессиональный, обиходный дискурс) определяет психологический климат вокруг иностранца в данном этнокультурном сообществе.

Поэтому, принимая во внимание официальную сферу общения, исследовательское внимание все же следует сосредоточить на неофициальной, так как в последней в большей степени вербализуются культурные (прагматические) знания этноса/социума.

Не секрет, что для обиходного сознания иностранец часто бывает плох уже потому, что он иностранец. Срабатывает архетипическая когнитивная оппозиция «свой – чужой», и все, что попадает в радиус действия второго члена оппозиции, получает негативную оценку. (Еще древние греки, как известно, всех представителей других стран и культур называли **варварами**). Данная оппозиция является культурной доминантой, одним из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества, сохраняющих свое значение на протяжении веков [9]. И сегодня лексические фонды языков содержат большое количество пейоративов, выражающих этнические предубеждения [4]. (Англ. *frog-eater* – «француз», *bog-trotter* – «ирландец», чешск. *bambusák* – «вьетнамец», русс. макаронник – «итальянец» и др.). В обиходном дискурсе для выражения иронии или пренебрежения по отношению к иностранцу пейоративизации подвергаются самые разные (в том числе и расовые) признаки (цвет кожи, форма глаз и др.), прототипические имена собственные преобразуются в аппелятивы (русс. фриц – «немец»), обыгрывается известная синтаксическая структура «хороший + этноним – мертвый + этноним».

Иностранец как объект номинации обслуживается не только лексическим, но и фразеологическим фондом языка.

Любопытно, что в чешском обиходном дискурсе функционирует сравнительно-усилительная конструкция «пьяный как датчанин», в датском аналогичная конструкция наполняется «своим» этнонимом – «пьяный как швед», в шведском – «своим» – «пьяный как финн», а в финском – «пьяный как русский».

Встречаются случаи и взаимозтноческой пейоративизации: франц. «уйти по-английски», англ. «уйти по-французски».

Косвенные пейоративные номинанты представителей другого этноса ономаσιologically могут быть построены и не на эксклюзивном, и не на самом ярком для объекта номинации признаке (ведь лягушек, к примеру, едят не только французы, а бамбук растет не только во Вьетнаме) и потому характеризуют не столько объект, сколько авторское этно/социокультурное сознание, выделяющее данный признак как релевантный для трансформации в область лингвопрагматики. А так как соотношение имени и предмета осуществляется в данной лингвокультуре, то и диагностика значения соответствующей номинативной единицы возможна лишь в ее рамках. (Членам соседствующих и/или активно контактирующих этносов понятны закодированные в пейоративах смыслы, но третья (далекая) сторона часто нуждается в специальных культурологических разъяснениях, что ставит вопрос о специальной лексикографической интерпретации этнорелевантных образов).

Если этнопейоративы рассматривать с точки зрения **объективных – субъективных** факторов, обусловивших их рождение и функционирование в языке, обнаружится, что, как правило, отдельный признак или действие представителя другого этноса возводится субъектом речи в ранг этнического порока.

Когнитивно – дискурсивный подход, снимающий первую оппозицию, выявляет то, как универсальный когнитивный стереотип «чужой» объективируется этнокультурной семантикой языковых знаков, механизмы функционирования которой «опираются на множество индивидуальных актов, где главную роль играют формы субъективного (индивидуально-авторского) знакообозначения» [1, 63].

Конечно, можно сказать, что во всех рассмотренных случаях субъект речи – ограниченный человек «из толпы», определив тем самым социокультурный статус пейоративов, но «толпа» – это часть этноса, а слова известны всем (или почти всем) его членам и поддерживают (пусть и имплицитно) так называемый комплекс превосходства.

Отдельные нейтральные этнонимы подвергаются пейоративизации в составе устойчивых языковых единиц, прагматический потенциал которых мотивирован событиями этнопрецедентного масштаба. Так, в смысловых структурах идиом «как швед под Полтавой», «незванный гость хуже татарина» этнонимы имеют пейоративную окраску, так как являются номинантами участников и одновременно заместителями событий (Северная война, татаро-монгольское иго) и лишены ее вне данного контекста. Содержащаяся в идиомах этнорелевантная аксиологическая информация не актуальна для современного сознания, но идиомы – хранители этнокультурного опыта, и в определенных ситуациях эта информация может быть актуализирована в целях манипуляции общественным сознанием.

Заслуживают также внимания номинанты с «рикошетным» прагматическим эффектом. В х/ф «Убойная сила» федералы в обиходном дискурсе называют чеченцев чехами, именем не содержащим в себе ничего оскорбительного. Инвективность в результате омонимичности деривата с институциональным этнонимом (чех) переживают чехи, при этом в их сознании возникают сложные, уходящие в историю, ассоциативные связи.

Лингвокультурологическое освещение проблемы межэтнических отношений, направленное на выявление когнитивных стереотипов сознания и специфических способов их языковой репрезентации имеет не только общетеоретическую, но и лингводидактическую значимость. Ведь если к сказанному добавить различного рода мифы (культурные, политические и пр.), конструирующие вторичную этнореальность, в которой живут и в которую верят люди, то окажется, что этнокультурная идентичность, всегда переживаемая как достоинство, во многом проистекает не из реальных исторических коллизий, а является продуктом этноспецифической языковой картины мира, требующей специального изучения, что, в свою очередь, призвано оптимизировать процесс межкультурной коммуникации.

Литература:

- АЛЕФИРЕНКО Н. Ф.: Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002.
 ВЕЖБИЦКАЯ А.: Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
 ВАН ДЕЙК Т. А.: Язык. Познание. Коммуникация./ Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.

- КАРАСИК В. И.: Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- КОУЛ М.: Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Кигито – Центр, 1997.
- ЛЕБЕДЕВА Н. М.: Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
- СТЕПАНОВ Ю. С.: Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- СУПРУН В. И.: Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград.: Перемена, 2000.
- LINCOLN B.: Discourse and the Construction of Society: Comparative Study of Myth, Ritual and Classification. – New York, Oxford: Oxford Univ. press, 1989.
- RIKER W. H.: The Art of Political Manipulation. – New Haven: Yale Univ. press, 1986.

Slavistická konference ve Vratislavi

Ve dnech 25.-27. listopadu 2004 uspořádal Institut slovanské filologie univerzity ve Vratislavi již sedmou mezinárodní vědeckou konferenci pod názvem *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich (opis, konfrontacja, przekład)*. Zasedání se zúčastnili kromě domácích odborníků též slavisté z Ruska, Běloruska, Ukrajiny, Srbska, Chorvatska, Německa a České republiky. Všechny referáty se týkaly problematiky fungování slova a věty ve slovanských jazycích. V souladu s vytčeným tématem konference byly prezentovány práce věnované rozboru materiálu v jednotlivých slovanských jazycích a dále práce s konfrontačním zaměřením.

Plenární zasedání prvního dne jednání zahájil v aule staroslavného Leopoldina ředitel Institutu slovanské filologie prof. dr hab. **Tadeusz Klimowicz**. Přivítal účastníky konference, dále přítomné akademické funkcionáře a čestné hosty. Za vedení univerzity pozdravila shromážděné jazykovědky její prorektorka prof. dr hab. **Krystyna Gabrielska**.

Po oficiálním zahájení následovala dopolední část plenárního zasedání. Jako první vystoupil **A. Furdal** z hostitelské univerzity. Ve svém obsáhlém referátu se zabýval problematikou sémiotiky (hranice působnosti této disciplíny vymezil již v roce 1916 švýcarský lingvista F. de Saussure) a zmínil se o třech sférách jejího zkoumání. Poté vystoupila **D. Mršević-Radović** (Bělehrad) s pojednáním věnovaným frazeologii. Na konkrétních příkladech rozebrala z lingvokulturologického hlediska funkci komponentu při utváření frazeologické sémantiky. Následoval příspěvek **A. Zahnitka** (Doněck) věnovaný typologickým jevům v syntaxi v období postmodernismu. **N. Mečkovskaja** (Minsk) rozebrala termín „языковая картина мира“; rozlišení dílčích prvků tohoto termínu představuje základ semaziologie. Konfrontativní popis tvoření deminutiv v makedonštině a polštině podal **J. Sokolowski** (Vratislav). Všiml si deminutivních sufixů v západoslovanských a v jihoslovanských jazycích. I když tato záležitost je ve většině slovanských jazycích zpracována, je možné opřít se o četnou literaturu, v případě makedonštiny jde o otevřené pole bádání; jednou z příčin je, že stále dochází ke tvoření nových lexémů. Lingvistikou textu se zabý-